

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРОШЛОГО

ФЕДОТ

Мне хочется познакомить читателя с одной замечательной личностью, которая здравствует еще в настоящее время и живет в Барнауле.

Личность эта - Федот Спиридонович Тузовский, человек несколько ниже среднего роста, с русыми волосами и русой же бородкой, теперь уже несколько поседевшей. Склад Федота, по видимому, не из выдающихся, но он пропорционален и крепок. Умные голубоватые глаза его теперь уже потеряли живость и блеск, несколько помутнели и как будто слезятся, но с первого же взгляда говорят о бывалой бойкости и проницательности русского простолюдина. Вообще Федот крайне симпатичен по своей наружности.

Спросите в Барнауле кого угодно - и старого и малого - и все знают Федота, а если кто и приостановится, чтобы сообразить, то скажите только «бабушку» и вы тотчас получите утвердительный ответ.

- Федота-бабушку? Знаю, знаю. Как не знать бабушку?

В настоящее время Федоту Спиридоновичу под 70 лет, но он еще бодр и свеж и настолько сохранил свое здоровье и силы, что держит лично ямшину и ни одна общественная охота не обходится без его менторства.

Федот по своему происхождению крестьянин из деревни Моховой Калманской волости бывшего Барнаульского округа. В то блаженное время, когда Кабинетские горные заводы имели приписных крестьян, как это было в Алтайском и Нерчинском округах, Федот был сдан не в солдаты, а по тогдашнему положению, в бергалы, то есть в горные работники. Много мытарств прошел он на этом поприще, верой и правдой отбывая свою долю во многих местах этого обширного края. Был на золотых приисках, был на рудниках, служил в заводах; работал кайлой и лопатой, долбил буравом и кирочкой, а более всего проводил службу около лошадей; бывал простым конюхом, ямщиком и настоящим заправским кучером. И везде Федот Спи-

ридонович не терял присутствия духа, умело исправлял возложенные на него обязанности, понимал, как угодить нередко своенравным управителям, был любим ими и никакая работа не вываливалась из его рук.

Вся его служба как-то так слагалась, что он попадал под управление людей, которые любили охоту, и Федот, будучи сам не охотником, постоянно служил им на этом поприще чаще всего в роли конюха, кучера, гребца или рулевого на лодке.

Федот Спиридонович, при всем желании иметь наследников, остался бездетным. В силу этого семейного несчастья он взял на воспитание сироту, так называемого Сашку. Вскормив и взлелеяв пасынка, он думал найти в нем помощника и утешение под старость, но, увы, вышло не совсем так: возмужавший Сашка начал попивать и освоил разные неподобающие порядочному человеку искусства. Не видя проку в пасынке, Федот дошел до того, что должен был отделить этого неблагодарного человека. Он наделил его, как родного сына, чем только мог и женил, но Сашка вздумал с ним судиться, и дело кончилось тем, что Федот Спиридонович совсем отказался от своего приемыша, который через несколько лет, заматавшись уж вовсе, умер от разных неумеренностей жизни. Все это доказывает человечность Федота, этой недюжинной, уважаемой всеми личности.

Когда в царствование Александра II повсюду благотворно повеяло свободой, и миллионы людей были освобождены от крепостной зависимости, то эта льгота была распространена и на приписных крестьян, и на горнорабочих или бергалов Кабинетских заводов. Федот Спиридонович, выйдя на волю, зажил по своему усмотрению. Мы не будем строго последовательны в его новой сфере вольной жизни, но скажем коротенько, что он, поселившись в Барнауле, в собственном доме, несколько лет находился охотничьим кучером у известного местного охотника Егора Богдановича Пранга.

Федот кортомился* у него на целый год и возил г. Пранга на своих лошадях зиму и лето на все охоты, где только представлялась возможность побывать неутомимому охотнику. Все это сделало из Федота настоящего ментора по части охоты, и он настолько изучил приемы охотников и познакомился с местностью, что смекает всякую штуку, чтоб угодить известной личности и знает не только все места охоты в окрестностях Барнаула, но помнит все сухопутные и водные пути до мельчайших подробностей; знает наизусть все тетеревиные и дупелиные тока, люби-

* Работал по найму.

мые места дичи, полевые избушки, колодцы, озерки, протоки, старицы, осенние перелеты тетеревей и все выдающиеся березы, на которые они садятся и где устраиваются балаганы для чучелиной охоты.

Федот до того изучил всех известных в Барнауле охотников, что, зная норы каждой личности, сумеет угодить всякому, а к новому человеку тотчас подладится, найдет его слабую струнку и своей угодливостью и старанием попадет «в клей». Словом, человек этот для многих собратьев по оружию - незаменимая личность и равного соперника ему нет. У некоторых Федот лишь вожак для отвода мест для охоты, у других он не только ментор, но настоящий пестун, и тут он расправляется деспотически, командует не только собакой, но самим охотником и заставляет его идти туда, куда стрелок не домыслит по своей горячности и непрактичности. Когда же заметит, что охотник «обазартился», стал непростительно пуделять, Федот вежливо отводит его от места охоты и успокаивает отдыхом, а если меры недействительны, то без церемонии отбирает ружье и просит остыть.

Тут на Федота сердиться невозможно: он так ловко делает этот маневр, что горячая личность, уступив своему ментору, тотчас согласится с его разумными практическими доводами. А разве нет из нашего брата таких, которые горячатся до того, что палят мимо в самых удобных случаях и, пуделяя несколько раз сряду, забывают всякую осторожность, подвергая других и лично себя неизбежной опасности.

Здравый смысл, вежливость обращения, опытность во всем охотничьем обиходе, умение подладиться к личности, безукоризненная честность и трезвость заставляют каждого собрата по оружию невольно любить и уважать Федота Спиридоновича. Он делается необходимым сочленом, надежным товарищем всякого охотящегося с ним. С кем поехал Федот, у тех сама собой является уверенность в успехе охоты и в том, что с таким ментором не думается о какой-либо опасности.

Все гости-охотники, приезжавшие в Барнаул, познакомились с Федотом и все остались довольны этой замечательной личностью. Я знаю, что некоторые из них до сих пор помнят Федота и нередко передают ему искренние братские приветствия. Надо видеть радость этого достойного и уважаемого человека, когда кто-либо из знакомых передаст ему радушный поклон от далеко уехавшего гостя. Он отлично помнит всех и каждого, охотившихся с ним; расскажет характеристику до мельчайших подробностей, и в каждом его слове вы увидите ту неподдельную любовь, какая является от братского расположения, уви-

дите ту наблюдательность, какая присуща только умным и пронырливым людям. Ни одна черта характера не скроется перед Федотом. Перед ним всякий охотник как на ладони и худые, и хорошие стороны он подметит сразу. Но поделится ими только с теми, с которыми он поближе, в ком видит своих друзей. Ничего лишнего от него не услышите, и где нужно - там Федот безответная могила.

В разговоре с «хорошими людьми» Федот словоохотлив, говорит метко и любит по-своему рифмовать речь. Иногда спросишь его.

Ну, а этот каков?

А он, барин, ни ворона, ни птица, а чистая тупица. Вот привези его к одному месту в один день пять раз, так он выставит глаз и все будет думать, что новое...

Ну, Федотина! А помнишь, приезжал сюда Га-н, как он, по-твоему?

- Га-н? Александра Маркыч? Как не помнить, славный барин! И вострящий, и стрелок настоящий! Он, брат, где побывал, там кажинный куст на памяти держит, кажинную лужицу или болотинку помнит. А вот дупелей, барин, на току не стрелял, ни-ни! И ходил только до вечера, а как начнет смеркаться, так и шабаш, не то что наши охотники бьют до самых потемков, чуть не в упор. Нет, он как заметит, что дупелишки начнут «трещать» на току, так и к телеге, - давай, говорит, Федот, собираться да чай варить, - на что их губить...

Что касается достоинства человеческих чувств, то я лично убедился в его высокой, истинно христианской душе. Не могу забыть, как однажды спросил его о смерти Егора Богдановича Пранга, с которым он так долго ездил на все охоты. Федот вместо ответа сначала зарыдал, как ребенок и долго не мог овладеть собою, чтоб передать мне всю скорбь и братскую память к человеку, покончившему самоубийством в припадке давно угнетавшей его меланхолии. Каждое слово Федота было проникнуто искренней любовью, уважением и неподдельной дружбой к этому доброму человеку.

После смерти Пранга Федот сам захворал не на шутку, долго не мог оплакать эту потерю и от постоянной мысли о таком тяжелом событии, которое он предвидел и всеми силами старался предотвратить, дошел до болезненной галлюцинации и сам чуть-чуть не отправился в царство теней. Только серьезные меры жены Федота спасли его от ранней смерти. Трудно верить тому, что рассказывает Федот про свои видения не только во время сна, но даже в часы бодрствования. Это тяжелое со-

стояние, продолжавшееся несколько месяцев, заразительно подействовало и на жену Федота, так что и она стала видеть облик покойного патрона своего мужа, но как умная женщина, вовремя приняв меры, помогла себе и своему совсем осунувшемуся мужу.

Вот уже после смерти Пранга прошло более десяти лет, но и теперь стоит только спросить Федота об этом печальном событии, как он тотчас заговорит в нос и невольные слезы побегут по щекам этого доброго человека, так искренне помнящего своего барина-друга.

Ни одна облавная охота в Барнауле не устраивается без Федота. Тут он главный распорядитель или лучше сказать советчик и деятель по части облавы. Федот находит загонщиков, подводы, покупает харчи для людей, распоряжается угощением, самым ведением загонов, нередко постановом стрелков, голос Федота начинает и заканчивает облаву.

Трудно верить, чтобы человек в таких преклонных годах был настолько подвижен, неутомим и крепок силами. Например, на чучелиной охоте Федот, как ямщик, довозет охотников на место, сделает балаганы и отправляется верхом в загон тетеревей; а чучела ставит на присадку так искусно и ловко на самые высокие деревья, что иногда страшно смотреть на этого старика, когда он, как искусный акробат, хватается за сучки, перебирается по ним все выше и выше и иногда висит на одних руках высоко над землею. В искусстве подгонять к балаганам птицу Федот настоящий виртуоз; он никогда не ошибется в расчете и не прозевает, если раненая тетеря отлетит на сторону.

Словом, Федот Спиридонович по своей умелости, распорядительности, честности и веселому характеру незаменимая личность для многих охотников нашего барнаульского кружка.

Когда Федот, еще в молодых годах, был в тайге, на Царво-Николаевском золотом прииске, по речке Федоровке, впадающей в реку Артон, то находился в услужении у пристава Осипа Андреевича Пазникова, известного силача и зверового охотника. Надо заметить, что этот Пазников обладал такой невероятной силой, что, например, бычачьи кожи протыкал большим пальцем, как бумагу, а живых быков и лошадей уносил на себе, как телят, и был очень крутого нрава, что грозило опасностью, особенно тогда, когда этот зверь кутил запоем иногда по несколько недель сряду. Но и тут Федот вышел целым, умея угождать своему господину. Однажды летом Пазников поехал промыслять на «Голец», куда во время жаров уда-

ляются от комаров и овода почти все звери. У Осипа Андреевича были замечательные зверовые собаки, которые не трусили медведей и, останавливая их, давали хозяину возможность бить из винтовки.

Взобравшись высоко на «Голец», Пазникову попалась громадная медведица. Взятая им на пробу большая собака тотчас бросилась на зверя без всякой осторожности, но получила такую оплеухину, по выражению Федота, что «кумельгой» отлетела на несколько сажен и бросилась без памяти в тайгу, так что ее и впоследствии нигде отыскать не могли. Тогда, в нужный момент маленькая лайка, остановив зверя, дала возможность Пазникову убить медведицу. Медвежата, уже с большую собаку, побежали наутек, но другие собаки остановили их и прижали к каменистой россыпи. Пазников, бывший «на взводе», не стал «мараться» охотой на них, а приказал бывшему с ним Федоту порешить их.

Возражать не представлялось возможности - и вот Федот с одним топором пошел скрадывать медвежат, отбивающихся лапами от освирепевших собак. Ему удалось убить обоих обухом по переносью так удачно, что при всем его страхе не вышло никакой борьбы с молодыми зверями. Но все дело в том, что Федот и теперь не может хладнокровно вспомнить те моменты, когда медвежата, получая удары от его топора, ревели, «как ребята», таким жалобным воем, как бы плачем, что у него вывернуло всю душу и сердце, - так что он заплакал; но его грозный командир назвал за это Федота чем-то хуже, чем бабой, и велел тащить к лошадям еще бьющихся в агонии животных, которых теребили собаки.

Кстати сказать, я знал в Томске одного страстного охотника г. Танара, который лично рассказывал мне, что он, убив на своем веку несколько медведей, перестал на них охотиться потому только, что однажды на берлоге, застрелив большую медведицу, увидел двух небольших медвежаток, которые выползли из теплого гайна*, взобрались на бездыханную уже мать и затащили такой раздирающий душу дуэт, что он тут же заплакал, бросил на снег штуцер и дал себе слово более не ходить за медведями на берлоги. Он уверял, что концерт осиротевших животных был так грустно ужасен и так походил на плач горюющих детей, что он растерялся, заткнул уши и, убежав от берлоги, не знал, что делать с медвежатками... Этот мотив скорби так врезался в его душу, что, при подобном плаче детей, он невольно вспоминал мохна-

* *Гайно, гайнице* - гнездо зверя.

тых сироток на трупе своей матери и снова подтверждал данное себе слово.

Однажды, уже впоследствии, с Федотом был довольно замечательный казус, которого он тоже не может забыть и нередко рассказывает о нем, как о происшествии, глубоко его оскорбившем. Дело в том, что в Барнаул приезжала комиссия для определения якобы существующих злоупотреблений в Алтайском округе. Председателем этой комиссии был некто Р., большой любитель охоты и хороший стрелок. Вместо того, чтобы лично ездить по местам и проверять якобы преследуемые беспорядки, господин Р. нашел более удобным сидеть в городе и принимать всевозможные доносы и клеветы, думая этим скользким путем добраться до истины в своей квартире, без всякой проверки. Когда же пришло время охоты на молодых тетеревей, то охотничья струнка заговорила в ряном председателе, и он, по рекомендации местных охотников, стал ездить с Федотом на охоту.

Федот, желая угодить его превосходительству, возил генерала по лучшим тетеревиным местам и получал за это хорошую плату. Но вот однажды Федот повез с утра председателя по Гоньбинской дороге, то есть по Московско-Барнаульскому тракту, затем свернул на тетереьи места в Землянушку, потом побывал на Шаховских логах, затем заехал к озерам и, наконец, уже вечером отправился домой по Павловской дороге. Подъезжая к Барнаулу, пришлось проезжать между кустарников около Волчьей гривы.

Его превосходительство тотчас заметил, что Федот везет его персону не по той дороге, по которой он ехал утром. Его взяло сомнение, а может быть, и тяжелое раздумье за свои грехи, а потому генерал вообразил, что Федот, вероятно подкуплен и строит ему ловушку, где могут намять бока справедливо недовольные действиями председателя комиссии, который действительно не вникал в суть дела, а все свои воззрения заключал на ложных изветах тех личностей, которые за рубль готовы были сочинить что угодно и составляли одонки человечества; или же основывался на вопиющих клеветах тех перлов новейшей формации добропорядочности, кои, например, страховали свои домишки в гораздо большей сумме их стоимости и потом, поджигая их, жгли неповинных соседей; напавали слабых людей и обирали их до последнего гроша и т.д., словом, тех, которых, как негодяев, выпроваживали из собраний и не принимали ни в одно порядочное общество... Тут г. Р. дрогнул душою, схватил Федота за плечо и грозно спросил.

- Стой! Куда ты, подлец, едешь?
В Барнаул, Ваше Превосходительство!
 - Как в Барнаул? Разве мы этой дорогой ехали утром?
 - Никак нет, Ваше Превосходительство! Утром мы ехали трактом, а теперь ворочаемся по Павловской дороге.
 - Врешь! Я не поеду этим путем. Выезжай на тракт, на проволоку!
 - Да помилуйте, генерал, теперь это невозможно. Мы сделали круг, а на тракт выедем этой же дорогой.
 - Стой, подлец, и не шевелись! Это какое место?
 - Это Волчья грива, Ваше Превосходительство.
 - А где Барнаул?
 - Да вот за гривой и город стоит.
 - Гм! Как же это так? А далеко ли до города?
- Нет, версты две по тракту, да столько же по проволоке.

Не известно, чем бы кончилась эта история, если бы не вмешался в разговор секретарь комиссии и адъютант председателя, прекраснейшая и симпатичная личность. Он, преспокойно сидя в тарантасе, хладнокровно выслушивал неосновательные подозрения и недоверие к ямщику и, взвешивая резонные ответы Федота, едва уговорил его превосходительство успокоиться и ехать, куда его везут. Только тогда Р. приказал трогаться и все время, пока не выехали на тракт, держа ружье наготове, озирался во все стороны...

Как это характеризует доверенную особу! Его превосходительство, вероятно, вообразил, что попал не в порядочное общество образованных людей, а в вертеп сибирских разбойников! Недаром в Барнауле сложилась характерная басня про действия этой интересной комиссии...

Я сказал выше, что слово «бабушка» служит как бы пояснением к личности Федота. Это прилагательное так сроднилось с существом Федота, что он без нее точно не Федот. Если скажут «бабушка», то невольно вспомнишь о нем и наоборот.

В какую бы деревню ни приехал с Федотом, непременно явятся личности, которые не замедлят вернуть это слово, и если прозывают, то получают такого шороха от кнута Тузовского, что долго помнят неуместную шутку, потому что Федот крайне не любит, если простолюдины дразнят его «бабушкой».

Но многие шутники не упоминают этого слова, а сисподволь донимают Федота, как бы незаметно, в разговоре, различными принадлежностями бабушки-повивалки. Они упоминают о «мыльце», «веничке», «вехотке» и проч., а если Федот Спиридоныч прозевает сам, то эти школяры непременно за-

пихнут под его сиденье мочалку или голик и караулят, когда Федот заметит их проказу, тогда все с хохотом разбегаются в стороны и прячутся, потому что Тузовский иногда предвидит проделку и показывает вид, что будто не замечает, но держит бич наготове и в нужный момент поймает, как он говорит, «на пулю» виновника - да так огреет плетищей, что шутник поневоле завертится, как родильница и забудет о принадлежностях «бабушки».

Никогда и нигде не проходит так, чтобы при появлении Федота обошлось без каких-либо острот на его счет. С интеллигенцией он сдерживается, отделяется шутками или сам метко острит над той личностью, которая его заденет.

Однажды целой компанией приехали господа на перевоз через Обь и ждали, пока переправятся люди. Тут что-то сострил аптекарь насчет Федота. Тогда Тузовский перестал выпрягать лошадей, подошел к рабочим и громко сказал.

- Господа перевозчики! Не перевозите вот этого лохматого барина, он не совсем в уме, должно быть, рехнулся, сй-Богу, тронулся разумом!

Все, конечно, знают суть и только хохочут.

На дворе г. Карпинского Федот рано утром запрягал в охотничью тележку лошадей и торопился, потому что запаздывали с отъездом. В это время Карпинский, совсем уже готовый сесть в тележку, вышел из комнаты и заметил, что по тротуару идет беременная женщина; он скараулил момент ее появления против открытых ворот, подтолкнул Федота и показал на ворота.

Федот оглянулся и увидал проходящую женщину.

- Что-о?! - сказал он строго. - Вы должно быть, не выспались или разумом сшевелились, вам надо проносного, вот и станете на точку, а то вы не в здравом рассудке.

Однажды, тоже к перевозу, приехал с Федотом тот же шутила Карпинский и остановился дожидать паром. Тут подходит к нему какой-то толстущий брюхан, кланяется и говорит.

Вот и хорошо, Владимир Александрович, что вы подъехали с Федотом Спиридоновичем, только не увозите его, пожалуйста.

- А что?

- Да чисто замаялся, батюшка! Должно быть, последние дни дохаживаю, видите, в каком я положении?

Ах ты, собака брюхатая! кричит освирепевший Федот. Чтоб тебе, пузану, взаболь не разрешиться до вечера!

И общий гомерический хохот раздается на берегу, только Фе-

дот косится на толстяка, помахивает бичом и посылает ему всевозможные пожелания.

Но всего забавнее была такая история: все тот же Карпинский, возвращаясь с охоты, переехал на пароме Обь и дождался, когда Федот подпряжет отстегнутую пристяжную. В это время какой-то незнакомый проезжающий с женой пил на берегу чай; а когда управился, то, собрав свои пожитки, сложил в экипаж и уже поехал, но жена пошла сбоку. Вдруг незнакомец остановился и без всякого умысла относительно Федота спросил жену.

- А ты, Спиридоновна, не забыла ли мыльце?

Это слово Федотина отнес к себе, отскочил от коня, схватился за бич и кричит проезжающему.

- Что-о? Вот я те, паршивого, как врежу бичом, так забудешь и умываться, чистотел полоумный! Сволочь непутная!

Словом, подобным анекдотам относительно так называемого нами «Федотины» несть конца, и они повторяются едва ли не ежедневно.

Почему Федота Спиридоныча дразнят «бабушкой», никто хорошенько не знает, но толкуют, что ему когда-то довелось принимать у родильницы младенца, об этом узнали зубоскалы - «пошла писать губерния». Так, значит, и до могилки...

Ныне, 21 февраля, чтоб хоть немного проветриться, мы целой компанией ездил за зайцами. Федотина, конечно, распорядился облавой, командовал загонщиками и по обыкновению огрызнулся от всех тех, кто проезжался насчет «бабушки». Все хоть и кончилось благополучно, но мне лично эта охота памятна будет навек тем, что меня обидели несправедливым замечанием... Возвратясь домой, я все еще не мог уходить, досадуя на несправедливость, как вдруг является Федот и по обыкновению просит написать счет, по которому ему нужно собрать деньги с тех лиц, которые участвовали в охоте, а всех нас было десять человек. Увидев Федота и обрадовавшись его появлению, я ожил душой, и мне пришла фантазия подурачиться с горя, что со мной бывает нередко.

Я взял пол-листа бумаги, спросил подробно расчет и живо, экспромтом, написал вирши, конечно, ничего не говоря Федоту. Он сидел и ждал расчета, начинающегося так.

Счет Федота

(За охоту на зайцев 21 февраля)

Что хотите говорите -

Мыльцем, всничком дразните,

Но в карманы загляните -

Счет проверьте и смекните,
Коли лень вам - погадайте,
Деньги ж бабушке отдайте -
Нужно людям раздавать,
Где придется «повивать».

Ф е д о с ь я

Ниже я написал подробный расчет и передал листок Федоту, пользуясь тем, что он человек неграмотный.

На, брат, тащи! Теперь все дома, и ты со всех возьмешь по 86 копеек, - сказал я ему, подавая рюмочку бальзамки.

Благодарю! - молвил он, ничего не подозревая.

Прежде всего Федот заявился в дом старого охотника г. Платонова, где была компания.

Тебе что надо, Федотина? - спрашивает хозяин.

- А вот извольте получить счетец за охоту.

- Ну-ка давай!

Берут листок, смеются и громко читают сперва вирши.

Федот сначала слушает, недоумевает и не верит ушам, затем, когда дочитали до конца, он по обыкновению говорит грозно.

- Что-оо?!

Все хохочут. Федот то свирепеет, то сам смеется.

- Ну уж и господа! Охота вам этаку пакость читать?.. И нашли же вы, кого выбрать в городские головы! Неужели у вас повыгоднее-то господина Черкасова никого не нашлось? Эх вы!..

Кто-то поддержал Федота, а потом потихоньку, с подходца, толкует о том, что его ремесло неодинаково с моим и т.д.

- Что-о?! - огрызается опять Федот. - Ну, вы можете и помалкивать, вы ничем не отличаетесь от нашего головы: обоих вас надо в лазарет на несколько лет, вот и сгинет забота обижать Федота...

8 марта 1886 г.
